

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/47/6

От яранги до коттеджа: динамика отношений между коренными жителями Чукотки и государством через призму истории архитектуры и строительства в национальных поселениях

Гавриил Николаевич Малышев

*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия
g.malyshev@eu.spb.ru*

Аннотация. Исследуется динамика отношений коренных народов Чукотки (чукчей и эскимосов) с государством через призму трансформации архитектуры и строительства в их поселениях с древности до конца XX в. Используя подход архитектурной антропологии, автор анализирует жилища и инфраструктуру не как объекты материальной культуры, но как арены и инструменты социально-политических изменений. На основе исторических, этнографических, архивных данных и полевых наблюдений выделены ключевые этапы: контактно-традиционный период, период диффузии, период революционной модернизации и кризисный период – от автохтонного развития устойчивых форм жилищ (яранги, землянки), адаптированных к климату и хозяйственному укладу, до массового жилищного строительства и урбанизации, и последующего частичного возвращения к автономным стратегиям выживания на фоне краха централизованных инфраструктур в конце XX в. Автор показывает, как архитектура стала инструментом политики: от диалога с традициями в раннесоветский период до унификации в более поздний. В работе иллюстрируется инерция модернизации: в XXI в. регион снова оказался в эпицентре масштабного инфраструктурного проекта, наследующего советскому. Исследование демонстрирует противоречия между внешней экспертизой и локальным знанием и возможности их союзничества, выявляя отдельные успехи и неудачи в политике взаимодействия государственной власти и коренного населения на Чукотке.

Ключевые слова: Чукотка, коренные народы, архитектура, жилищная реновация, модернизация

Для цитирования: Малышев Г.Н. От яранги до коттеджа: динамика отношений между коренными жителями Чукотки и государством через призму истории архитектуры и строительства в национальных поселениях // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 99–134. doi: 10.17223/2312461X/47/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/6

From Yaranga to Cottage: The Dynamics of Relations Between Indigenous People of Chukotka and the State Through the Lens of Architectural and Construction History in National Settlements

Gavriil N. Malyshev

European University at St. Petersburg, Russian Federation, g.malyshev@eu.spb.ru

Abstract. This article explores the dynamics of the relationship between the Indigenous peoples of Chukotka (Chukchi and Eskimos) and the state through the lens of architectural and construction transformations in their settlements from ancient times to the late 20th century. Using an architectural anthropology approach, the author analyzes dwellings and infrastructure not only as objects of material culture but also as arenas and instruments of socio-political change. Based on historical, ethnographic, archival data, and field observations, the study identifies key phases: the contact-traditional period, the diffusion period, the revolutionary modernization period, and the crisis period — tracing the transition from the autochthonous development of sustainable housing forms (yarangas, dugouts) adapted to the climate and economic practices, to mass housing construction and urbanization, followed by a partial return to autonomous survival strategies amid the collapse of centralized infrastructures in the late 20th century. The author demonstrates how architecture became a tool of policy-making: from a dialogue with traditions in the early Soviet period to strict unification in later years. The study illustrates the inertia of modernization, as the region in the 21st century once again became the focus of a large-scale infrastructure project inheriting the Soviet legacy. The research highlights the contradictions between external expertise and local knowledge, as well as the potential for their cooperation, revealing both successes and failures in the state's engagement with Indigenous communities in Chukotka.

Keywords: economic practices, agriculture, reindeer husbandry, indigenous people, Chukotka, Arctic

For citation: Malyshev, G.N. (2025) From Yaranga to Cottage: The Dynamics of Relations Between Indigenous People of Chukotka and the State Through the Lens of Architectural and Construction History in National Settlements. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 99–134. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/6

Введение

Жилище является популярным объектом антропологических исследований коренных народов Севера. Однако в этих работах фокус делается в основном на форме жилища, бытовавшей на доколониальном этапе развития изучаемых народов, отражающей его «традиционную» материальную культуру. В этой статье я хочу посмотреть иначе на строительство в поселениях коренных народов Чукотки, чукчей и сибирских эскимосов, представив его не в виде застывшего в «этнографическом

времени» слепка, а в динамике. Я ставлю перед собой задачу ознакомиться с путем, который прошла архитектура поселений региона от древности до конца XX в., по материалам историков, фотографов, этнографов, собственных наблюдений и архивным данным – с тем, чтобы проследить трансформацию отношений коренных народов с европейскими пришельцами, советской и российской властью. Гипотеза о возможности такого исследования опирается на подход архитектурной антропологии (Architectural anthropology 2021). Его авторы предлагают антропологам рассматривать здания не только как материальные объекты или даже активных участников социальной жизни, но и как непосредственно исследовательский инструмент (Yaneva 2021; Redrawing anthropology 2011). Изучение архитектуры жилищ и поселений в этой оптике – это не только ответ на вопрос о том, чем она «является» для населяющих и производящих её людей, но и о том, что она «делает» с этими людьми, какие социальные «ассамбляжи» производит, и следствием каких отношений является, на какие практики толкает. Таким образом, рассматривая, как менялась инфраструктура в местах проживания коренных народов Чукотки, я смогу связать внедрение новых архитектурных форм жителями, строителями и архитекторами – с общественно-политические процессы, которые пережил регион за последний век.

По меткому замечанию Слёзкина, «для превращения чукчей в российских подданных понадобилось полтора столетия торговли и двадцать лет коллективизации» (Слёзкин 2008: 34). Радикальные трансформации жилищ чукчей и эскимосов отражают процессы советизации Чукотки; потоки материалов и технологий, кардинально меняющие за непродолжительный период сельскую архитектуру, помогают подсветить утрату местными общинами автономии и их переход от самообеспечения к встраиванию в патерналистскую систему распределения благ. Моё исследование показывает, тем не менее, что процесс этот не был предрешенным и линейным – вместе с переменами в отношениях между властями Российского государства и коренными народами модернизационное давление на поселения то нарастало, то ослабевало, или даже обращалось вспять. Участие местных жителей в этих процессах тоже намного сложнее, чем простое подчинение: они умело адаптировали под свои нужды приносимые извне ресурсы, влияли на жилищную политику и использовали свои знания, выступая в разной степени соавторами архитектуры своих поселений.

В архитектурной и строительной ретроспективе, которую я опишу, отражается история отношений населявших Чукотку народов с соседями, переселенцами и государством. Применительно к поселениям чукчей и эскимосов (в советское время получивших статус «национальных сёл») эту историю можно разделить на следующие этапы: контактно-традиционный, диффузия, революционная модернизация. Меньше чем

за полвека чукчи и эскимосы пройдут путь от автономии и самообеспечения к полной зависимости от патерналистской системы распределения благ.

Контактно-традиционный период

С древности до второй половины XIX в. жители Чукотки развивали собственные архитектурные приемы и строительные технологии автохтонно, опираясь на местные материалы. Трансформации происходили медленно, эволюционно и были неразрывно связаны с изменениями в способах хозяйствования и культурным обменом между общинами и соседними народами.

Предки современных чукчей и эскимосов заселили крайний северо-восток Евразии в III–I тыс. до н.э. (Народы северо-востока 2010: 510, 588). К XVII в. эти народы проживали на обширных территориях, которые впоследствии будут названы Чукоткой: от рек Колыма и Омолон до берегов Тихого и Северного Ледовитого океанов. По роду занятий люди региона делились на оленных чукчей, ведущих кочевой образ жизни и промысляющих оленеводством, и приморских – оседлых чукчей и эскимосов, живущих охотой на морского зверя (Богораз-Тан 1934). В зависимости от типа хозяйства различалась и архитектура поселений. Оленные чукчи круглый год проживали в ярангах – покрытых шкурами мобильных жилищ с каркасом из жердей и меховым пологом внутри. Приморские чукчи и эскимосы жили в стационарных домах: землянках (нын'лю) и куполообразных ярангах (мын'тыг'ак') с каркасом из плавника и китовых челюстей, стены таких жилищ были укреплены каменной кладкой. Планировка как постоянных поселений, так и кочевых стойбищ имела четкую структуру, отражающую социальную иерархию: на первом месте стояло жилище представителей самого старого и знатного рода, остальные яранги выстраивались позади него в зависимости от старшинства и близости к лидеру (Леонтьев 1973: 81–83).

У оседлых приморских чукчей и эскимосов существовало два типа жилища: летнее и зимнее. В этом смысле даже «стационарный» поселок морзверобоев совершал цикличные кочевания ближе к морю в теплое время года, поэтому никого из коренных народов Чукотки нельзя назвать полностью оседлыми в сельскохозяйственном смысле этого слова (Слѣзкин 2008). Зимним жилищем нуклеарной приморской чукотской семьи был валкаран (небольшая полуземлянка по типу эскимосского нын'лю), более крупные дома, клерган, строились для проживания всего линиджа. Их конструкция напоминала эскимосский мын'тыг'ак' – стены на каркасе из китовых челюстей и рёбер. Летом эскимосы и приморские чукчи перебирались в небольшие четырёхугольные палатки пыльюк. Та-

кое архитектурное разнообразие часто игнорируется в литературе, в которой доминирует представление о ярангах как о единственной типологии жилища на Чукотке. Связано это с тем, что к моменту полноценного подчинения региона советской властью яранги действительно вытеснили большинство форм: зимние и летние жилища у приморских жителей стали различаться лишь типом покрытия: более теплые олени шкуры заменялись тонкими моржовыми в зависимости от сезона (Леонтьев 1973).

Как показывают данные археологии, архитектура селений Чукотки принципиально не менялась на протяжении столетий (Данилов 2021). К середине XIX в. отдельная семья стала основной единицей чукотского и эскимосского обществ, крупные коллективные дома были полностью вытеснены меньшими по размеру ярангами (Крушанов 1987). К началу XX в. зимние полуподземные жилища практически перестали строиться. Однако яранга, конструктивно схожая с постройками, которые находят археологи в древнейших стоянках, оставалась основным типом жилья чукчей и эскимосов и к середине XX в. Детство, проведенное в яранге, вспоминают и многие информанты пожилого возраста. Тем не менее нельзя сказать, что жилища были типовыми – они различались в зависимости от размера и достатка семьи, рода деятельности.

Поразительную устойчивость этой традиционной архитектуры можно объяснить двумя причинами. Во-первых, устройство этого жилища вырабатывалось эволюционно поколениями оленеводов и морзверобоев с тем, чтобы наилучшим образом соответствовать неизменному хозяйственно-бытовому укладу, постоянным климатическим условиям и ограниченному набору строительных материалов. Плавник – дерево, приносимое морем, жерди из растущих в лесотундре в верховьях Анадыря деревьев, олени шкуры, лахтачи ремни – все ресурсы для строительства можно было добыть внутри региона. Характерным признаком является конструктивная совмещенность жилищ и транспорта: во время перекочевки нарт объединялись с элементами яранги, образуя кибитку, по сути, полог на полозьях (Воробей, Хаховская 2022). Строительство на Чукотке к началу XX в. обуславливалось автономией поселений и обеспечивало комфортное существование в условиях самообеспечения. Ведь, во-вторых, внешние контакты общин с народами, имеющими принципиально другие архитектурные технологии, до XX в. были ограничены, что тормозило культурный обмен и технологические заимствования. Крупник и Членов обозначают этот период как «контактно-традиционный (contact-traditional)», подчеркивая, что аборигенные общины Чукотки к этому времени накопили обширный опыт контактов с внешним миром и уже имели доступ к иноземным артефактам через обмен и торговлю, но все-таки европейцы не жили среди них или поблизости на долгосрочной основе, поэтому эти социальные связи и материальные потоки оставались нерегулярными (Krupnik, Chlenov, 2013).

Несмотря на то, что первые контакты коренных народов Чукотки с русскими произошли еще в XVII в., а колонизация Российской империей основной части северо-востока Сибири и Аляски завершилась к середине XVIII в., коренные народы Чукотки до самой революции оставались на особом положении. Нанеся несколько военных поражений отрядам казаков, осаждая остроги, оленные чукчи вынудили Российскую империю отказаться от силового установления власти в регионе и были избавлены от обязательной оплаты ясака. Обретенные ими привилегии распространялись и на сибирских эскимосов и оседлых приморских чукчей, не участвовавших в антиколониальной войне, но и не выделяемых в отдельную группу в то время. Формально числившиеся зависимыми от Российского государства, чукчи и эскимосы не были его подданными – до основания в 1889 г. поста Новомариинск (будущий город Анадырь) на Чукотке отсутствовал какой-либо административный аппарат. Отдельные попытки православных миссионеров обратить коренное население в христианскую веру также не имели успеха. По результатам своих экспедиций конца XIX – начала XX в. Владимир Богораз подтверждал фактическую независимость населения Чукотки: «чукчи сохранили свой язык, материальную культуру и религию» и «чукотская народность, приморские с оленными вместе, является весьма первобытной». По его убеждению, тот факт, что «цивилизация» обошла Чукотку стороной, – залог выживания чукчей в «их бесплодных пустынях» (Богораз-Тан 1934).

Период диффузии

Со второй половины XIX в. по вторую половину XX в. устанавливаются регулярные внешние контакты, которые народы Чукотки используют для совершенствования собственных жилищ. Вместе с русскими и американскими торговцами и первыми «миссионерами советской власти» (Богораз-Тан 1934) в регион проникают европейские строительные технологии и новые материалы, которые аборигены адаптируют в своих постройках. Трансформации ускоряются, но остаются частью эволюционных процессов и «низовой» модернизации, направляемой коренными жителями по своему желанию.

XVIII–XIX вв. Первое проникновение европейской архитектуры: избы марковцев

Первым селом, застроенным домами европейского типа на территории Чукотки, стало Марково. Марковцы, или анадырьчики, русские старожилы, потомки смешанных браков казаков с местными народами, сохранившие русский язык и русское самосознание. В 1771 г. Российская

империя, по сути, признала поражение в колониальных войнах с чукчами, ликвидировала Анадырский острог и вывела гарнизоны. Однако некоторые русские первопроходцы оставались на берегах Анадыря и вне имперской юрисдикции. Они торговали с местным населением на ярмарках, взаимно ассимилировались с ними и, перенимая навыки охоты и рыбалки, осели к середине XIX в. в Марково. Несмотря на отсутствие в этих местах хорошего леса, старожилы тем не менее продолжали возводить бревенчатые срубные избы, хотя и упрощенной конструкции: зачастую без пола и с плоской кровлей (Зуев 2014). Эти постройки уступали в теплоизоляции ярангам и землянкам аборигенов, да и строительство их за пределами небольшой лесной зоны Марковской низменности, в характерных для большей части региона условиях тундры было затруднительно, поэтому они не получили особого распространения вне Марково и факторий русских старожилов. Хотя не сказать, что технология не перемещалась: на старых фотографиях чуванского села Усть-Белая, основанного выходцами из Марково уже в тундровой зоне, видно использование аналогичных построек (Вдовин 1957). В результате торговли и обменов с русскими и креолами (чуванцами, марковцами, камчадалами) на Анюйской ярмарке в поселения чукчей и эскимосов стали проникать новые материалы: доски, гвозди, скобы и т.д. Они не оказали радикального влияния на архитектуру аборигенов, хотя и ускорили процесс модернизации жилых построек, особенно в сфере внутреннего убранства (Загоруйко 2005). Подстегнуло сближение строительных культур коренных и пришлых народов основание в 1889 г. Ново-Мариинска (будущий Анадырь); форпоста Российской империи, который возводился казаками из завозимых морем досок. На фотоотчете команды клипера «Разбойник», привезшего строительные материалы и персонал поста, видно, как чукчи из местного селения принимают активное участие в разгрузке и строительстве первого дома будущей столицы региона (Bunge, 1889). Архитектурно здание представляет собой каркасный пакгауз, обшитый досками и утепленный дёрном. Он был доставлен в разобранном виде на борту клипера. Именно легко транспортируемая корабельная доска, а не брёвна, станут основным материалом, с помощью которого береговые чукчи и эскимосы будут укреплять свои жилища. Интересно, что в современных сёлах Чукотки старые деревянные дома до сих пор называют «шхунь», что, вероятно, этимологически восходит именно к судостроительному происхождению российской архитектуры на Чукотке.

Конец XIX в. – 1920-е гг. Американское влияние

Основным поставщиком западных строительных технологий на Чукотку стали американцы. Богораз писал, что американское влияние на

тихоокеанском берегу чувствовалось гораздо сильнее российского, особенно в поселениях эскимосов, часто имевших родственников на американском острове Святого Лаврентия и Аляске (Богораз-Тан 1934). После продажи Аляски США в Беринговом море активизировались американские китобойи, которые вступали с местными в торговые отношения и даже нанимали коренное население Чукотки в качестве матросов на китобойные суда. В конце XIX в. зажиточные эскимосы стали приобретать у американских торговцев легкие дощатые дома с двускатной крышей и застекленными окнами, которые служили летним жильём, складом и символом статуса владельца (Народы северо-востока 2010: 598). Толчок проникновению американских строительных технологий и материалов на Чукотку дала Золотая лихорадка, привлёкшая на Аляску предпринимателей и авантюристов. Норвежский старатель Бенд Волл в 1902 г. переехал на Чукотку, поселился в чукотском селе Энурмино, женился на чукчанке и построил капитальный деревянный дом в форме яранги, но с печкой-буржуйкой, тремя комнатами, обоями и постелью (Шокарев 2022). Олаф Свенсон, золотоискатель из Нома, вел торговлю между берегами, с 1908 г. строил склады и дома на Чукотке, в том числе и покрытые листом гофрированного железа (Ярзуткина 2011). На снятых Форштейном в 1920-е гг. фотографиях заметно значительное количество американских домов, стоящих в эскимосских селениях наряду с мын'тыг'ак' и ярангами (Крупник, Михайлова 2006). Однако коммерческий китобойный промысел, на стыке веков включивший приморских чукчей и эскимосов в глобальные торговые потоки, в 1910-е гг. испытал сильнейший спад. Из-за этого отдельные семьи морзверобоев стали мигрировать на запад, ближе к русскому Ново-Мариинску, чтобы переориентироваться на более стабильную торговлю пушниной: так, в частности, в 1922 г. был основан эскимосский посёлок Уэлькаль.

1920–1930-е гг. Становление советской власти.

Архитектура коренизации

Установление советской власти на Чукотке шло медленно. Революционные события затронули только Анадырь, коренное же население оставалось за пределами контроля номинально существовавшей администрации. Это начало меняться в 1924 г., когда по инициативе Богоразы был создан Комитет Севера, в задачи которого входило и научное изучение жизни и нужд аборигенов, и управленческие и социально-экономические реформы. В первые годы существования РСФСР именно консервативная, задаваемая этнографами повестка будет определять политику молодого государства. Её целью было повышение благосостояния местного населения, воспитание национального самосознания, подготовка кадров для самоуправления при сохранении традиционного уклада

жизни и хозяйства (Вахтин 1993). Организовывались туземные советы – первая попытка советского институционализованного районирования и управления с привлечением местных кадров на Чукотке (Хаховская 2012). В 1928 г. на берегу залива Лаврентия усилиями Комитета Севера возвели Чукотскую культбазу, первую на Дальнем Востоке. Это был комплексный центр государственных услуг, включавший в себя школу-интернат, больницу, баню, жилые дома для персонала и факторию. Срубные постройки базы были выполнены из привезенных по морю брёвен, это были самые новые и комфортабельные строения в районе, изначально спроектированные как образцово-показательные населенные пункты, символ советской власти (Слёзкин 2008). Символический пафос заметен и в архитектуре здания первого Уэленского райкома: сруб имел сложную облицовку вагонкой, будто располагался в городе в центральной России (Шокарев 2024). Однако чужеродность капитальной инфраструктуры пришельцев отпугивала аборигенов, в особенности оленеводов, отказывавшихся отдавать детей в школу. Поэтому в 1929 г. Культбаза адаптирует архитектуру кочевников и создает Красные Яранги: мобильные центры обслуживания населения на базе традиционной яранги, но обогреваемые керосиновыми лампами, в которых было бы комфортно и приезжему специалисту, и туземцу (Хаховская 2012).

Главным архитектурным достижением того времени стало приспособление привнесенной извне европейской архитектуры к местным культурным и климатическим условиям путем мимикрии под традиционное жилище и заимствование туземных технологий. Политика коренизации, провозглашённая в 1920-е гг. в национальных республиках и автономиях, была направлена на наполнение «федеральных» органов власти местными исполнителями. Согласно лозунгам коренизаторов, вслед за Сталиным, общечеловеческая культура, к которой идёт социалистическое государство, должна была быть «пролетарская по своему содержанию, но национальная по форме» (Варнавский 2003). Эта политика имела и архитектурное выражение: современные исследователи выделяют как «архитектуру коренизации» распространенные в 1920–1930 гг. попытки «пришлых» советских зодчих использовать местные национальные мотивы в декоре и формообразовании при строительстве в районах с преобладанием нерусского населения (Лемытская 2018). Несмотря на то, что коренные малочисленные народы Севера в 1920-е гг. еще не обладали национально-территориальными административными образованиями, попытка архитектурной коренизации была и здесь.

Для нужд освоения Севера к 1928 г. бывший военный инженер Владивостокской крепости Владимир Алексеевич Свиньин разработал быстровозводимые щитовые дома, прозванные в народе «свиньями». Их главным достоинством была легкость в транспортировке и сборке: конструкция состояла из 66 фанерных секций-щитов, которые соединялись без гвоздей.

Для строительства не были нужны даже базовые плотницкие навыки, как в случае сруб, да и меньший вес фанеры по сравнению с брёвнами облегчал задачу перемещения. У коренных народов Свиньин позаимствовал круглую форму здания и коническую крышу: такой дом не так заносило снегом в пургу. Архитектор предусмотрел использование местных материалов: внутри, подобно яранге, фанерные стены предполагалось утеплять шкурами, снаружи – дёрном, а щели конопатить мхом.

Домики системы Свиньина строились по всему северо-востоку: на Сахалине, Колыме, Камчатке, в Хабаровске. В 1933 г. из «свиняг» была построена вторая культбаза на Чукотке: Чаунская (Хаховская 2018). Внешнее сходство здания с привычной ярангой должно было сделать новые институты не такими пугающими для чукчей и эскимосов. Но такое постепенное, осторожное развитие региона, учитывающее разнообразие и не ломающее традиционный уклад жизни и хозяйства, не устраивало «радикалов», сторонников ускорения промышленного освоения Арктики, и людей, отрицавших необходимость особого пути развития чукотских поселений. В 1935 г. Комитет Севера был ликвидирован, а в 1938-м комиссия большевиков раскритиковала состояние Чаунской культбазы, в том числе и за несоответствие архитектуры её символической миссии по представительству новой власти: «жилой фонд по своему внешнему виду и внутреннему содержанию равняющийся на примитивные яранги кочевников... напоминает грязный холодный цыганский табор, но не поселок важнейшего культурного учреждения для народов Севера» (ГАМО П-355). В 1940 г. база была закрыта. Мобильные домики Свиньина, тем не менее, еще некоторое время использовались в сёлах Чукотки: последний сохранившийся я обнаружил в посёлке Угольные Копи летом 2024 г. (рис. 1).

Рис. 1. Домик Свиньина 1930-х гг. постройки в посёлке Угольные Копи.
Фото автора

1930–1940-е гг. Централизация освоения Севера. СМП. Ускорение советизации

После ликвидации Комитета Севера управление Арктикой было передано Северному морскому пути (СМП). В рамках этого масштабного инфраструктурного проекта уникальные особенности культур коренных народов Севера уже не считались самоценными. Управленцы-технократы, пришедшие на смену этнографам, рассматривали аборигенное население как ресурс рабочей силы и знаний, без которого освоение Арктики невозможно (Вахтин 1993). На Чукотке строятся порты Певек, Провидения, Эгвекино, поселок Иультин, развивается Анадырь. В регион приезжают русские специалисты: строители, инженеры, геологи. Строительство ведёт и Дальстрой НКВД силами заключённых, с использованием как местного камня, так и завозимых по СМП строительных материалов (рис. 2). Политика в отношении аборигенов меняется соответственно, цель – коллективизация, для чего требуются перевод оленеводов-кочевников на оседлость и укрупнение поселений эскимосов и оседлых чукчей. Добыча морского зверя и оленеводство, разведение ездовых собак – продукты этих традиционных индигенных практик становятся необходимыми для прибывающих поселенцев. Для более эффективного с точки зрения советской власти хозяйствования на базе исторических оседлых поселений приморских чукчей и эскимосов начинается концентрация населения, формирование товариществ наподобие совхозов. Однако пока это происходит добровольно, крайне медленно, и затрагивает небольшое количество населения. Несмотря на громкие лозунги, в которых Северный морской путь изображался как грандиозный проект социалистического строительства, обещающий преобразить жизнь туземного пролетариата, на деле его деятельность была больше дискурсивной, чем инфраструктурной (Стась 2023). В новые поселки рабочая сила завозилась в основном извне, подготовка национальных кадров почти не велась: полярные станции и порты стали культурными центрами лишь для нескольких десятков коренных жителей Чукотки.

Меньше чем за полвека чукчи и эскимосы проходят путь от автономии и самообеспечения к полной зависимости от патерналистской системы распределения благ. Жилище из семейной и общинной собственности превращается во внешнюю по отношению к людям типовую государственную инфраструктуру. Происходит отчуждение людей от жилья: от традиций и самостоятельных форм строительства, от горизонтальных способов распространения знания и индивидуальных практик поддержания и модернизации жилища. Тем не менее расширение контактов, приток новых стройматериалов в эти годы привели к тому, что традиционная архитектура чукчей и эскимосов начала ускоренно модернизироваться самими хозяевами. В сёлах люди начали строить себе дома

«переходного типа», с засыпными стенами из тёса или дощечек упаковочной тары, наподобие домиков Свиньи́на.

Рис. 2. Построенный в 1940-е гг. силами заключенных Дальстроя дом для сотрудников, обслуживавших Иультинскую трассу. Фото автора

Наряду со шкурами, в качестве покрытия кровли стал использоваться рубероид, внутри некоторые устанавливали печи (Крушанов 1987: 191–192). Оленеводы заимствуют технологии геологической палатки: в стойбищах появляются яранги, покрытые брезентом и оборудованные буржуйками (Перевалова, Куканов 2018: 40). Со стороны власти упор делается на агитационной и просветительской работе: так, в 1940-е гг. традиционная яранга становится мишенью критики, согласно которой она «находится в полном противоречии с социалистической реконструкцией чукотского хозяйства, являясь большим тормозом в культурно-бытовом развитии коренного населения»; а проживающие в ней «влачат свою жизнь в дыме, сырости, холоде и темноте» (ГАМО П-22). Тем не менее технически отказ от яранг пока неосуществим, поэтому власть активно пропагандирует среди коренных жителей европейские гигиенические стандарты уборки и убранства в жилищах (Хаховская 2019). Невзирая на подобные усовершенствования строительство в национальных поселениях Чукотки до конца 1940-х гг. остаётся прежним: жилища строятся и ремонтируются семьями за свой счёт с использованием всех доступных

инструментов. Купольный дом с каркасом из жердей и покрытием из шкур, будь то эскимосский мын'тыг'ак' или чукотская яранга с меховым пологом внутри, по-прежнему является главным архитектурным сооружением Чукотки, обеспечивающим коренному населению автономию от какой-либо государственной жилищной политики. Некоторая эволюция этой архитектуры лишь иллюстрирует адаптивность аборигенов к меняющимся условиям.

До конца 1940-х гг. советская политика успешно трансформировала жизнь коренных народов Чукотки без видимого нарушения общественного строя и насилия: люди жили укладом близким к традиционному, в сёлах своих предков (Krupnik, Chlenov 2013: 343). Коллективизация к концу 1940-х гг. не была завершена, на Чукотке всё еще оставалось множество единоличных хозяйств. Однако напряженность нарастала: в 1947 г. сбежавшие заключенные строители Дальлага убили кочевую чукотскую семью, что усилило подозрительность чукчей по отношению к русским (Хаховская 2016). В 1949 г. вспыхнуло и было подавлено Берёзовское восстание – вооруженное выступление чукчей и эвенов села Берёзово против насаждения колхозной системы. Резким негативным изменением было также закрытие в 1948 г. границы с США из-за начавшейся холодной войны, из-за чего контакты эскимосов и приморских чукчей с американскими родственниками и торговцами были прекращены (Krupnik, Chlenov 2013: 341).

Период революционных модернизаций

Со второй половины XX в. по конец 1980-х гг. архитектурное развитие поселений Чукотки радикально меняется. На место постепенной внутренней эволюции приходит централизованное колониальное планирование извне, унифицирующее регион с другими территориями СССР. Коренные жители исключаются из архитектурной и строительной деятельности.

Был ли этот результат неизбежным следствием прихода в регион русских с их модернистской системой? Первые десятилетия отношений чукчей и эскимосов с советской властью показывают, что не обязательно. Штернберг и Богораз, стоявшие у истоков этих взаимоотношений, предостерегали от опасности быстрого столкновения культур, настаивали на важности творческого и индивидуального встраивания нового в традиционную жизнь народов Севера. Вслед за Миллером, Штернберг настаивал, что только сознательное, добровольное усилие по творческому усвоению внешних технологий обогащает заимствующую культуру, а механический перенос колониальной инфраструктуры для нее разрушителен (Керимова 2011).

Те же идеи заметны и в архитектуре. В первые десятилетия для советской власти была важна символическая составляющая архитектуры: она должна была соблазнять обещанием модерности, убеждать, а не обязывать. Государственная архитектура вступала в диалог с коренными жителями, адаптируясь к их привычкам, а не перелаывая их: так появляются ярангообразные домики Свиньиной и Красные Яранги. Этот подход творческой передачи инноваций частично сохраняется даже в период коллективизации и массового жилищного строительства: колхозники участвовали в возведении собственных домов вместе с профессиональными строителями и даже частично оплачивали работы (25% от стоимости), что, по задумке модернизаторов, должно было помочь им присвоить привнесенную извне инфраструктуру. Однако позднесоветская индустриализация и урбанизация окончательно порвали с идеями родоначальников Комитета Севера, перейдя к массовому производству унифицированного советского человека через механическое распространение унифицированной материальной среды. В 1990-е гг. модернность отступает, но шок от её резкого сжатия вынуждает правительство пойти на экстренные меры: в 2000-е гг. в регион приходит новая волна модернизации, противопоставляющая себя советской власти, но в реальности выступающая её логичным продолжением.

1950–1960-е гг. Перелом: коллективизация и массовое жилищное строительство

Благодаря ли своей удаленности, стараниям Богораза, или даже начавшейся Второй мировой войне, но чукчи и эскимосы практически избежали репрессий и выселений первой половины XX в., в отличие от жителей большинства регионов Советского Союза. Но коллективизация, разрушившая до этого традиционный уклад народов по всему СССР, добирается и сюда – с запозданием, в 1950-е гг. В эти годы строятся колхозные сёла: на этот раз принудительно оленеводов переводят на оседлость, морзверобоев концентрируют в выбранных «сверху» локациях. Политика ликвидации «неперспективных» деревень, разрушившая исторические очаги расселения и в средней полосе России, на Чукотке стимулировалась и геополитическими реалиями холодной войны: эскимосские поселения Наукан, Уназик, Имаклик были перемещены, оказавшиеся на новых местах люди лишались привычных способов промысла (Krupnik, Chlenov 2013: 354). Кроме того, при строительстве новых сёл не учитывались и особенности грунта – чукчи и эскимосы располагали свои жилища на сухих бугорках, скальных породах, тогда как колхозные постройки могли ставить прямо на тундре, в результате чего мерзлота под ними начинала таять.

Важно отметить, что, хотя переезд людей из сёл своих предков и носил директивный характер, он не был насильственным. Советские чиновники устраивали народные сходы в сёлах, планируемых к закрытию, на которых убеждали людей, что перемещение необходимо для развития экономики и уровня жизни – и люди соглашались (Krupnik, Chlenov 2013: 355). Аргумент был в первую очередь логистический: представители власти объясняли, что доставка материалов для строительства нового жилья на крутые скалы Наукана невозможна, а Уназик часто подвергается затоплению и испытывает нехватку пресной воды, поэтому предлагалось переехать в новые поселения. За 20 лет знакомства с новой властью люди уже впитали дискурс об отсталости своих жилищных условий по сравнению с домами приезжих русских, имели и возможность сравнения, поэтому большинство действительно были не против перебраться из традиционных жилищ в срубы. Кроме того, людям обещали, что новые поселки будут создаваться с учетом их пожеланий и вблизи старых – что не было исполнено. Противники переезда понимали, что сопротивление бесполезно, большинство же встретило новости пассивно – основные решения принимали просоветские активисты.

В сёлах (и новых, и сохраняемых старых) развернулось массовое жилищное строительство. Колхозные села застраивались преимущественно срубными индивидуальными жилыми домами из бруса или бревна по типу традиционных для русских деревень изб с печным отоплением (рис. 3). Архитектурная политика привела к усреднению, приведению национальных поселений Чукотки к единому для всего СССР виду. Вместе с русификацией эти преобразования теперь двигали регион к цели формирования «новой исторической общности — советского народа», монолитного единства вокруг русского народа (Вахтин 1993). Строительство изб в этом смысле было частью «цивилизаторского» проекта, в котором национальные бытовые привычки, санитарно-гигиенические особенности уклада признавались отсталыми. Проводилась работа по «перевоспитанию», обучению навыкам ведения домашнего хозяйства. По всему Северу была введена система обязательного интернатского образования, детей насильно забирали из стойбищ и небольших сёл, отрывая от семьи и приучая к европейским «чистоте и порядку» (Лярская 2003).

Буквально за пару десятилетий в образе жизни коренного населения произошёл коренной перелом. Традиционные формы ведения хозяйства были разрушены, а местные сообщества оказались в зависимости от государственной системы (Holzlehner 2010). Родной язык оказался вытеснен русским, многие черты национальной культуры были утрачены. Катастрофичность последствий этой политики упоминается в многочисленных исследованиях, подтверждает это и проведенные мной интервью. Мои информанты старшего возраста застали этот период, и до сих

пор с болью вспоминают пережитый шок. В ходе своего полевого исследования летом 2024 г. я слышал истории, как детей прятали в оленеводческих ярангах, лишь бы не отдавать в интернат.

Рис. 3. Типовой рубленый жилой дом
1960-х гг. постройки в селе Уэлькаль. Фото автора

Информанты помнят, как скучали по семье и тундре, обучаясь вдали от дома, и сетуют, что в школах им запрещали говорить на родном языке. Интересны воспоминания людей о том, как они в первый раз увидели капитальный деревянный дом, и какое удивление это вызвало. Одна моя информантка тогда подумала «какие странные русаки, живут в бочках», другая, будучи тогда ребенком, сравнивала стекло на окне со льдинкой. Мне рассказывали, как было сложно привыкнуть к приготовлению пищи в помещении и к тому, чтобы спать на кроватях, а не на полу. Семьи информантов участвовали в возведении себе избы вместе с приезжими плотниками, задача которых была таким образом обучить людей технологиям поддержания и ремонта сруба. Вспоминают люди и о комиссиях, которые могли без приглашения зайти в дом, оценить качество уборки и вывесить иногда позорящие оценки на всеобщее обозрение. Мои собеседники рассказывали, какой непривычной после интерната и жизни в поселке начинала казаться яранга: приученные к новым гигиеническим требованиям, некоторые мои информанты уже и не думали о том, чтобы

вернуться в тундру, с горечью осознавая разрыв с собственной культурой.

Этнографические работы даже советских авторов-современников содержат сведения о том, с каким трудом шло «изживание» выработанных в яранге практик, и о том, как люди пытались самостоятельно приблизить колониальную архитектуру к привычной путем пристроек, размещения мехового полога внутри и даже установки яранги рядом с домом (Вдовин 1963; Леонтьев 1973). Несмотря на то, что большинство добровольно отказалось от своей традиционной архитектуры в пользу советских колхозных домов, выяснилось, что качество строительство оставляло желать лучшего – и люди самостоятельно усовершенствовали постройки, адаптируя их для привычной жизни. «Многие дома сдавались в эксплуатацию недоделанными и утеплялись в процессе обживания. В связи с этим в домах ставили меховой полог, надстраивали порог у дверей, навешивали вторые двери, наглухо замазывали форточки и т.д. Привычка находиться в жилом помещении полуголыми и сидеть на полу изживается очень медленно» – писал этнограф Вдовин в 1960-х гг. (Вдовин 1963). В научных изданиях тех лет образ сельского жителя рисуется двойственным: с одной стороны, это отсталый туземец, которого советская власть облагодетельствовала, вырвала из антисанитарии; с другой – это сознательный и рукастый знаток своей земли, который понимает в строительстве на ней больше приезжих мастеров, и в состоянии сам исправить недостатки архитектурного проекта. Стены таких домов, прозванных в народе шхунами (видимо, по аналогии с деревянными судами), впоследствии люди самостоятельно утепляли и штукатурили.

1970–1980-е гг. Урбанизация: индустриальное домостроение

В 1953 г. Чукотка стала национальным округом в составе Магаданской области. Политикой государства стало ускоренное развитие экономики региона, добыча ископаемых, воспитание трудовых ресурсов из местного населения с тем, чтобы «догнать» другие регионы страны: это представление о Чукотке и других северных районах не как об особенных, но как об отстающих проявилось и в строительстве, апогей которого пришелся на брежневское время. Позднесоветские подходы к строительству в национальных сёлах Чукотки шли в едином ритме со всей страной, а именно – курсом на укрупнение и урбанизацию (Богданова 2013). Развитию инфраструктуры способствовал приток в регион приезжих специалистов, занятых в строительстве, охране границы и добыче ресурсов. Эти люди, с одной стороны, привносили ранее не характерные для Чукотки стандарты качества среды из столиц и крупных городов, создавая здесь спрос на аналогичные условия. С другой стороны, они же и привозили необходимые для «преодоления отставания» компетенции.

Преобразование сёл должно было обеспечить условия жизни, по комфортабельности сравнимые с городскими, а сельское население должно было быть «перевоспитано» в горожан: коренные народы были окончательно лишены возможности формировать заброс на архитектуру и участвовать в её производстве. Так в чукотские и эскимосские поселения пришло градостроительство: посёлки интенсивно застраивались и благоустраивались по генеральным планам, причем в застройке стали преобладать многоквартирные двухэтажные жилые дома из бруса (Крушанов 1987). Во многих сёлах в эти годы строятся инфраструктуры центрального отопления, водоснабжения и канализации.

Вместе с таким очевидным углублением унификации происходит и обратный процесс – возникновение региональной Чукотской архитектуры. Вызванный индустриализацией и расширением добычи ресурсов стремительный рост городов и рабочих посёлков в регионе привел к острому жилищному кризису, ответом на который стало создание местных архитектурных, проектных организаций, домостроительных комбинатов, строительно-монтажных управлений. Индустриальное домостроение, ставшее возможным благодаря появлению в Анадыре завода железобетонных изделий, заполнило улицы городов и крупных поселков Чукотки панельными домами региональной серии «Арктика» разработки треста Северного морского пути «Арктикстрой» совместно с местным СМУ (строительно-монтажным управлением) «Анадырьстрой» (Носков 2013). При производстве стеновых панелей использовался местный щебень и песок, кроме того, местные проектировщики позволили себе неслыханный для типовой жилой архитектуры советского модернизма декор стен (рис. 4).

В национальных сёлах к концу 1980-х также было начато строительство спроектированных специально для них одноэтажных двухквартирных панельных домов (рис. 5), на которые со временем предполагалось заменить большинство изб (Носков 2013). Планам помешал реализоваться распад СССР, но в Новом Чаплино успели построить целую улицу. Но в отличие от деревень средней полосы, в которых переход людей из изб в многоквартирные дома, как показывает Богданова (Богданова 2013), шел затруднительно и не был успешен, коренные жители Чукотки, для которых и избы были недавно введенной инновацией, без сопротивления переселились в квартиры. К закату СССР национальные сёла Чукотки потеряли всякую автономию от государства, став полностью зависимыми от внешней поддержки инфраструктуры и жилья специалистами и органами власти. Тем не менее эта патерналистская система снабжения была налажена эффективно: в каждом селе при совхозе была своя строительно-ремонтная бригада, которая обеспечивала ремонт и поддержание жилого фонда, закупала необходимые материалы. Сотрудниками этих бригад были как правило приезжие специалисты, но

заинтересованные представители коренного населения имели возможность перенять у них компетенции.

Рис. 4. Декор стен панельного дома «Арктика»
1970-х гг. постройки в Анадыре. Фото автора

С помощью переноса проектных и строительных предприятий в Анадырь советская власть на своём излёте пыталась добиться того, чтобы проекты могли быть адаптированы к местным условиям. Некоторые успехи в децентрализации строительства касались прежде всего учёта климатических и геологических особенностей: фундаменты приспособливают к вечной мерзлоте, в производстве панельных домов начинают задействовать местные материалы. Однако по отношению к аборигенам в национальных сёлах эта архитектура становилась абсолютно внешней.

Нет большой разницы, где ведутся проектные работы: в Ленинграде или в Анадыре, если местные полностью исключены из этого процесса. Не участвуют они больше и в возведении многоквартирных домов на месте, за них это полностью делают приезжие рабочие.

Рис. 5. Панельный дом 1980-х гг. постройки в селе Новое Чаплино. Фото автора

Показательно, что на протяжении всего этого периода ни один этнографический отчёт не обходится без робкой, но все же критики массового жилищного строительства. Правда, проблематизируется скорее реализация этой политики, а не идея вообще. Как достижение изображается переселение «из яранг». Сложности, которые испытывают аборигены при насильственном переводе на европейский образ жизни в новых домах и поселках, этнографы описывают как временные, связанные с косностью мышления оленеводов, медленно изживающих свои привычки (Вдовин 1963; Леонтьев 1973). Им противопоставляется интернатская молодежь, с охотой переезжающая в квартиры и обставляющая их по общесоветской «интернациональной» моде. Любопытно, что этот патерналистский пафос соседствует с кратким упоминанием, как людям самим приходится исправлять недочёты строительства. Образ сельского жителя рисуется двойственным: с одной стороны, это «отсталый туземец», которого советская власть облагодетельствовала, вырвала из антисанитарии; с другой – это сознательный и рукастый «знаток своей земли», который понимает в строительстве на ней больше приезжих мастеров и в состоянии сам исправить недостатки архитектурного проекта.

Из текста в текст кочует декларация необходимости учитывать специфику «хозяйственно-бытового уклада» и коренные знания об особенностях местности. Впрочем, все это остаётся на уровне лозунга в отчётах. Как можно учесть традиционный уклад в проекте, основной целью которого является с этой традицией порвать?

1990-е гг. Кризис. Ветшание инфраструктуры и неопределенность

Первое постсоветское десятилетие на Чукотке – период тяжелейшего экономического кризиса. На фоне ослабления центральной власти и стихийной децентрализации, связанной с переходом страны на рыночные и демократические рельсы, регион столкнулся с проблемами финансирования. В этот момент проявились недостатки проводимой в предыдущие десятилетия политики. Крайняя зависимость инфраструктуры Чукотки от внешнего снабжения в новых условиях практически сразу обернулась кризисом во всех сферах жизни: дефицитом товаров, топлива, продуктов и строительных материалов (Hill, Gaddy 2003). Неопределенность 1990-х гг., начавшаяся с оптимизма, связанного с наступлением эпохи гласности и всплеском низовых инициатив, вскоре перешла в состояние апатии, сопровождающейся массовым отъездом из региона и голодом (Вахтин 2023). Без инвестиций в поддержание инфраструктуры теплосети, электроснабжение, водопровод и канализация стали стремительно ветшать и выходить из строя – созданная за предыдущие десятилетия модернность стремительно отстывает (Карасёва 2018). Лишившиеся финансирования строительные-монтажные управления и службы ЖКХ переставали работать, оставляя жилые дома без ухода. Ликвидация совхозов, служивших в деревнях гарантами социальной защиты и оказания хозяйственных услуг, привела к краху налаженной системы предоставления благ жителям (Hannigan 1995).

«Мы, жители с. Канчалан, возмущены тем, что постоянно отключают электричество. Поселок отключен полностью от связи, нет отопления. Люди разводят костры на улицах. В квартирах холод, взрослые и дети болеют. Жители села брошены на выживание» – такие коллективные обращения местных к губернатору региона публиковала газета Крайний Север (Канчалан 1999). Люди, даже в сёлах привыкшие к европейским стандартам жизни, столкнулись с резким откатом в соцобеспечении на уровень начала XX в. Коренные жители, еще помнящие свой быт вне системы советского патернализма, да и более молодые люди по наставлению своих родителей стали возвращаться к традиционным практиками добычи пропитания охотой и рыбалкой, чтобы избежать голода, о чем вспоминают мои информанты и что фиксируют и посещавшие в 1990-е гг. регион этнографы (Krupnik, Vakhtin 2002).

В 1990-е гг. численность населения снижалась по всей Чукотке, но темпы выбытия горожан значительно превышали сельские цифры (Фавстрицкая 2022). Жители сельских поселений, как и коренные, оказались устойчивее горожан и населения посёлков городского типа: у людей старшего возраста были опыт и умения справляться без государства. Необходимость выживания вынудила некоторых приезжих перенять местные практики, что создало среди них связь с этим местом. Тысячи же приезжих предпочли переехать «на материк», освободив жильё на Чукотке – множество рабочих поселков было ликвидировано. Новое строительство в этих условиях потеряло всякий смысл: вся недавно созданная проектная и производственная база была свернута, а трест «Арктикстрой», курировавший проектирование для Чукотки, был ликвидирован в 1991 г. (РГАЭ 1994). Оборудованные печами старые срубленные дома стали прибежищем для людей в холодные дни, когда угольные ТЭЦ в селах переставали работать или перемерзли трубы. Информанты рассказывали мне, что буржуйки начали устанавливать даже в квартирах. Жители сел снова стали тяготеть к автономии, на этот раз вынужденно, трансформируя устройство зданий. Кроме того, тогда же в сёлах региона началось самостоятельное строительство теплиц и сараев для выращивания овощей и ведения подсобного хозяйства, позволяющего меньше зависеть от поставок продовольствия в магазины, причем для возведения часто вторично использовались материалы от закрывающейся централизованной инфраструктуры: совхозных и военных построек, транспортных контейнеров (рис. 6).

Рис. 6. Теплица, построенная в 1990-е гг. из вторичных материалов в селе Амгуэма. Фото автора

Важнейшей позитивной переменной, которую принесли 1090-е, стало открытие границ с соседями, начавшиеся контакты и культурный обмен коренного населения с Аляской, Канадой, Гренландией. В ходе такой «народной дипломатии» чукчи и эскимосы посещали национальные села по другую сторону Берингова пролива, в обратную сторону же шла гуманитарная помощь и финансирование институтов самоуправления коренных народов Севера (Ramseur 2017). Мои информанты рассказывали о культурном шоке, который они испытали от качества жизни в американских посёлках. Отдельное впечатление на них тогда произвели американские коттеджи, ухоженные и просторные в сравнении с обветшавшими рублеными домами и квартирами.

В 1992 г. Чукотка вышла из состава Магаданской области и стала равноправным субъектом Российской Федерации. Эта децентрализация тем не менее не принесла жителям региона возможности самоуправления: региональный авторитаризм, вскоре установленный губернатором Назаровым, привел к восстановлению жёсткого контроля за перемещениями людей и идей (Rethmann 2004). Трансграничный обмен всё-таки сохранился на уровне органов власти: Назаров несколько раз посещал США, в ответ с официальным визитом приезжали и американские делегации. Для возможности демонстрации гостям собственных успехов в управлении регионом Назаров запланировал сделать одно из ближайших к Анадырю и самое маленькое национальное село Краснено образцово-показательным. Для этого в 1998 г. по его поручению на Аляске начали закупать и устанавливать в Краснено американские каркасные коттеджи, однако из-за нехватки средств проект «потемкинской деревни» так и не был доведен до конца (Басов 2013). Тем не менее вместе с установившимися приграничными контактами (впервые с 1920-х гг.) на Чукотку стали проникать американские строительные технологии, а население стало знакомиться с американской архитектурой: сайдинг, каркасное строительство, принудительная вентиляция. Кроме того, коренные жители начинают пробовать себя в предпринимательстве: у людей вновь появляются частные олени и возможность независимого от государства дохода. Отдельные люди в 1990-е гг. самостоятельно решают свои жилищные проблемы: так, в селе Амгуэма мне показывали обшитый металлическим сайдингом коттедж, который построил для себя состоятельный фермер на свайном поле, заложенном в советское время под совхозное строительство, хотя такие примеры единичны.

Крушение патерналистской системы в 1990-е гг. обнажило уязвимость инфраструктуры, созданной советской модернизацией, и, напротив, устойчивость традиционных народных форм хозяйствования. В условиях кризиса сёла оказались гораздо устойчивее городов. Получив «скелет скукожившегося социального государства» (Humphrey 1998), жители национальных сёл стали возвращаться к утраченной автономии,

вспоминая традиционные практики добычи пищи, самостоятельного обогрева и поддержания дома. Показательна и живучесть яранги – перевод от бытового кочевания к производственному совхозному не привел к исчезновению традиционных жилищ, несмотря на сетования этнографов на «неблагоприятные условия жизни оленеводов» в них. Многократные попытки ввода современных форм мобильного балка на полозьях не увенчались успехом в стойбищах, а в 1990-е гг. яранги снова стали частью сельского ландшафта (рис. 7).

Рис. 7. Современная яранга и нарты в селе Амгуэма. Фото автора

Несмотря на множество проблем, связанных с распадом централизованных систем снабжения, самоустранением региональной власти от

жилищной политики (за исключением отдельных проектов презентации себя вовне), в этой неопределенности была и надежда на новые формы хозяйствования. Инфраструктура стремится быть невидимой, и обнажается лишь при поломке (Larkin 2013). В 1990-е гг. эти сбои дали людям повод задуматься об эффективности, создавшей эти инфраструктуры патерналистской политики, и начать брать ответственность на себя, преодолевая отчуждение от жилья. Конец 1990-х жители Чукотки встречают в ожидании перемен: кто-то строит новое будущее, кто-то хочет возврата в прошлое (Вахтин 2023). Последующая эпоха Абрамовича принесет и то и другое, оставив после себя совершенно новые архитектурные следы.

2000-е гг. Канадские коттеджи: новая волна модернизации

Короткий период отступления модерности завершился, когда регион возглавил Роман Абрамович, с первых же дней начавший новую волну масштабной инфраструктурной модернизации. Молодой бизнесмен пришел в кризисный регион в 1999 г., избрался в местную думу, а на следующий год, одержав победу, стал губернатором Чукотки. Запущенный почти сразу модернизационный проект Абрамовича, согласно Томпсону, разделил общество на три группы: приезжие молодые эксперты-технократы, советские специалисты-переселенцы и представители коренных народов (Thompson 2009). Каждая из групп получила свою территориальную привязку в рамках соответствующей политики. Для первых Абрамович строил современную столицу, город Анадырь, не уступавший по уровню сервиса Москве или Санкт-Петербургу. Вторым предлагались комфортные условия для переезда из региона, а поселки городского типа, откуда они уезжали, закрывались или управляемо сжимались до нескольких микрорайонов. Третьи же должны были стать выгодополучателями проекта комплексной реновации национальных сёл: в них сносилось жилье, построенное в первые десятилетия советской модернизации, и строились каркасные коттеджи по канадской технологии (рис. 8). Ограниченный срок модернизационного проекта раскрывал реальную пользу, которую он нес для Абрамовича в отсутствие значительных доходов от недр: символическую. Преображение Чукотки стало популярным сюжетом в российских и международных СМИ, создавая олигарху положительную репутацию благотворителя и эффективного управленца, защищая его от возможных репрессий (Thompson 2009). Губернатору нужно было продемонстрировать, что он умеет эффективно решать проблемы, но демонстрация эта была направлена не столько внутрь региона, сколько вовне. Поэтому модернизаторы были в основном озабочены строительством видимых материальных объектов, а не невидимых институтов: федеральная власть в Москве должна была

наблюдать результаты трансформации и верить в её успех. Для этого они должны были получать яркую медийную упаковку. Визуальный образ современности, создаваемой реформаторами, был направлен на вкусы таких же журналистов и управленцев «с материка», которым он должен быть понятен и которых в первую очередь он должен был впечатлить.

Рис. 8. Коттеджи 2000-х гг. постройки в селе Новое Чаплино. Фото автора

Деревянные дома как индивидуальные, так и многоквартирные, построенные в 1950-е и 1960-е гг., были признаны аварийными и подлежали сносу, независимо от их реального физического состояния и желания жильцов. Аварийность зданий – это не только юридический статус, но и индивидуальное восприятие, и даже инструмент, используемый для преобразования территорий в экономических и политических целях (Филип, Глазков 2024). Что касается внешнего вида и состояния жилого фонда, из которого делался вывод о необходимости сноса, сам Абрамович и его команда могли руководствоваться собственным представлением о допустимых жилищных условиях. *«Когда выходишь и видишь ситуацию, хочется что-то сделать. Я не видел ничего хуже того, что видел там, в своей жизни»:* так объяснял свою мотивацию сам губернатор в интервью журналистам (Smith, 2006). Представления губернатора о норме и аварийности могли привести к тому, что реновация жилого фонда стала бы приоритетным решением. Необходимость же тотальной замены срубов на «коттеджи» можно объяснить демонстрационным, символическим характером политического проекта губернатора. На заданный в 2002 г. вопрос журналиста *«что сегодня на Чукотке вам интереснее всего»* Абрамович прямо ответил: *«сейчас – стройка, потому что здесь виден достаточно быстрый результат»* (Коновалов 2002). Желание сделать свой управленческий труд видимым часто толкает власти на демонстрационные строительные проекты (Larkin 2013). Особен-

ность политического контекста Чукотки в 2000 г. была в том, что зритель, который должен был видеть работу команды губернатора, находился не внутри региона – в первую очередь это была федеральная власть в Москве. Таким образом, архитектурный образ, создаваемый в рамках проекта реновации, должен был быть считан и понят столичной элитой, должен был впечатлять журналистов, и при этом отражать представления о хорошем самой команды модернизаторов – молодого городского высшего и среднего класса. В те годы эту функцию наиболее эффективно играл именно коттедж. Описывая модели потребления «новых русских», формирующегося в 1990-е гг. класса новой элиты (банкиров, чиновников, предпринимателей, представителей организованной преступности), Каролайн Хамфри выделяет именно коттедж в качестве центрального маркера идентичности (Хамфри 2010: 202–230).

Еще один способ объяснить, почему именно реновация жилого фонда стала основным продуктом модернизации Абрамовича на селе, предложил мой информант, молодой региональный чиновник в Анадыре, уроженец села Сиренки: *«У Абрамовича была идея такая, он хотел, чтобы каждый стал собственником своего жилья отдельного, жил в коттедже... При массовой застройке Советский Союз понял в свое время, что дешевле и проще строить многоквартирные дома. Коллективизация, все вместе, у нас все общее, ничего своего нет. А у Абрамовича была идея, что каждый должен отвечать за своё имущество, снова стать собственником. Возможно, в этом он видел проблему коллективизации, что никто ни за что не отвечает. Условно говоря, если ты живешь в многоквартирном доме, то за тебя обязаны убирать, то есть тебе должны постоянно всё ремонтировать, отопление внутри дома, всё что захочешь, всё должны тебе заменить. Последствия интернатной системы тоже, что все должны обеспечивать полностью твое существование, а ты можешь ничего не делать. Идея же Абрамовича была в том, что люди стали собственниками. Я помню, этот лозунг периодически звучал в то время, в начале 2000-х»* (ПМА). С точки зрения моего информанта, жилищная реновация была идеологическим проектом, направленным на преодоление последствий советской коллективизации, и имела воспитательную функцию – собственный коттедж должен был сделать человека ответственным хозяином, а не государственным иждивенцем. Это рассуждение наследует старой советской/российской традиции идей средового детерминизма, ставших популярными после революции 1917 г. и опиравшихся на марксистский материализм, которые выражаются в простом лозунге «бытие определяет сознание» (Маркс, Энгельс, 1959: 7). Этой формулой руководствовались и руководствуются до сих пор политики и проектировщики, пытаясь заниматься социальной инженерией через архитектурные и инфраструктурные проекты,

она же часто используется для объяснения политического смысла завершённых урбанистических проектов (Lähteenmäki, Murawski 2023). Насколько в действительности такие рассуждения у команды Абрамовича имели место – сказать сложно, хотя это вполне вписывается в первоначальные стремления его администрации к снижению объемов государственной социальной поддержки и повышению экономической автономности региона.

Основной архитектурной типологии коттеджных посёлков, в которые переселялись жители национальных сёл из квартир и старых срубов, были обитые сайдингом и покрытые металлочерепицей одноэтажные каркасные дома по канадской технологии на фундаменте из домкратов, прозванные в народе «канадскими/американскими коттеджами», «коттеджами Абрамовича» или просто «коттеджами». Некоторые архитектурные детали зданий различаются в сёлах в зависимости от компании-подрядчика, возводившего здания: цвет отделки, материалы кровли, конструкция фундамента и планировки вариативны, но деревянная каркасная конструкция и обшивка сайдингом – почти универсальна. На выбор конкретных архитектурных решений также влияли экономические, политические, логистические и идеологические факторы. Но главное, что архитектура американского частного дома соответствовала вкусам самого Абрамовича и членов его команды. Одной из первых построек нового тысячелетия на Чукотке стала личная резиденция губернатора: построенный канадской архитектурно-строительной фирмой Fergusson Simek Clark (FSC) двухэтажный деревянный каркасный коттедж на берегу Анадырского лимана. Лаконичные формы, отсутствие ярких цветов, простые белые двери: Абрамович происходил из той вестернизированной части российской элиты, которая дистанцировалась от показной помпезности богатства, предпочитая образ прагматичных и трудолюбивых профессионалов. Хамфри указывала, что в коттеджной архитектуре «новых русских» еще в 1990-е наметился этот конфликт: барочной эклектике «нового купечества воображаемой империи» противостоял визуальный минимализм «рафинированных европейцев, входящих в мировую бизнес-элигу» (Хамфри 2010). Капиталистическая модель потребления, в которой материальные объекты, такие как личные дома, становятся инструментами, посредством которых люди осознают себя и конструируют своё «Я», любопытно преломляется в контексте Чукотки: заказывая себе строительство минималистичной государственной резиденции, губернатор выступает как частное лицо, но распространяет собственные эстетические вкусы и предпочтения в качестве нормативных на весь подвластный регион. В этом смысле строительство коттеджей в национальных сёлах, ведущееся по проектам того же канадского бюро FSC и подражающих им местной Чукотской торговой компании, представляется логичным следствием культурной гегемонии конкретного

класса молодых управленцев. Лаконичная стилистика, свойственная резиденции губернатора в Анадыре, – лишь первое проявление нового негласного архитектурного стандарта, установленного для всей Чукотки, включая частные коттеджи людей в национальных селах: ведь их заказывают не сами жители и владельцы, а всё та же команда модернизаторов.

Помимо коттеджей, в национальных сёлах возводились и новые центры образования. Работы также выполняла канадская FSC. Несмотря на то, что местные жители остались довольны качеством строительства школ, и до сих пор с гордостью показывают их приезжим, жильё вскоре после строительства показало себя не с лучшей стороны. Современная каркасная технология оказалась новой для России, хотя на Чукотке в 1950-е строились отдалённо похожие по своему устройству каркасно-засыпные дома, но они считались непригодными для постоянного проживания, ими пользовались военные. В результате такого технологического экспорта при строительстве были допущены ошибки. Вновь, как в 1950-е, не были учтены условия местности: входы располагали на подветренной стороне, так, что дверь промерзала. Кроме того, из-за особенностей каркасной конструкции – пленки паро/влагоизоляции в стенах, плохо сделанной вентиляции и нарушенной точки росы внутри дома стали образовываться конденсат, плесень и налесь. Люди пытаются своими силами решить проблемы, однако испытывают нехватку строительных материалов. Неопределённым остаётся и статус коттеджей – из-за плохого качества строительства большинство жителей сёл не стали их приватизировать, надеясь на помощь государства в решении проблем.

Заключение

Трансформации архитектуры, инфраструктуры и планировки поселений Чукотки являются не просто проекцией отношений государства с коренными народами, они – важный инструмент этих отношений. На протяжении веков строительство для чукчей и эскимосов оставалось исключительно практическим знанием – тем, что Джеймс Скотт называет *metis* (Скотт 2005: 642). Такое знание было динамичным и пластичным, потому легко абсорбировало новые материалы и технологии, привносимые русскими и американскими пришельцами. Советская власть в начале пути в регионе пыталась строить свои институты с опорой на местное знание, которое привлекало своей адаптивностью к условиям местности. С другой стороны, свои инновации большевики преподносили как «дар модерности», стремясь завоевать лояльность коренных жителей. Однако дальнейшее стремление к централизации, углублению контроля и эксплуатации ресурсов Чукотки, вместе с притоком приезжего населения, привело к полному игнорированию *metis* со стороны

власти и установлению доминирования внешней технической экспертизы (tehne) в архитектурной сфере Чукотки. Вместе с тем со временем проявляются ограничения этого модернистского строительного знания, и его пытаются локализовать, правда, на базе создаваемых некоренных институтов, перемещая проектирование из столиц в Анадырь, отдавая его в руки приезжих специалистов. Metis на низовом уровне не исчезает, он остается востребованным для адаптации внешней инфраструктуры к реалиям «на земле». После распада СССР его роль ещё более возрастает, однако полного возвращения к локальному знанию не происходит – если раньше оно было способно полностью обеспечивать поселения, то в 1990-е может лишь поддерживать жизнь на фоне краха инфраструктур. В поисках нового tehne и коренные жители, и региональная власть обращаются к соседним странам Запада. Вся история строительства в регионе в течение XX в. – это сложные колебания между metis и tehne, и долгосрочное доминирование второго оказывается невозможным без первого. Учёт этого опыта важен для устойчивого развития национальных сёл в XXI в., однако мои наблюдения в ходе полевой работы летом 2024 г. показали, что архитекторы новой модернизации периода Абрамовича вновь пытались решить задачи исключительно с опорой на внешнюю экспертизу, и роль metis снова оказалась сведена к смягчению последствий доминирования tehne в проектировании. В 2000-е гг. жители национальных сёл Чукотки оставались в глазах государства пассивными получателями инфраструктурных благ извне, их же собственная строительная экспертиза и знания местности игнорировались, что вновь сказалось на качестве строительства. Ветшание и построенных в нулевые «коттеджей Абрамовича» вновь открывает развилку – пойти путем очередной модернизационной волны или попробовать создать устойчивую систему поддержания и обновления жилого фонда и инфраструктуры, невозможную без возвращения агентности коренным жителям национальных сёл и использования их опыта и умений в строительстве.

Список источников

- Басов Е. Краснено. К сердцу Чукотки – 2013. URL: <https://basov-chukotka.livejournal.com/32074.html>
- Народы северо-востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев. М.: Наука, 2010.
- Богданова Е. Антропология деревенской двухэтажки: от исследования жилища к исследованию сообщества // Вдали от городов. Повседневная жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб.: Алетейя, 2013. С. 105–126.
- Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Л.: Институт народов Севера, 1934.
- Варнавский П. Границы советской бурятской нации: «Национально-культурное строительство» в Бурятии в 1926–1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // Ab imperio. 2003. № 1. С. 149–176.
- Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.
- Вахтин Н.Б. Социально-экономическая неопределенность 1990-х годов на Чукотке как проблема и как ресурс // Неприкосновенный запас. 2023. № 151. С. 59–91.

- Вдовин И.С. Домик чуванца, с. Усть-Белая, 1957 г. Фото Вдовина И.С. // Научный архив МАЭ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17.
- Вдовин И.С. Некоторые данные о современном хозяйстве и культуре чукчей // Советская этнография. 1963. Т. 1. С. 39–48.
- Воробей И.Е., Хаховская Л.Н. Конструктивная ассоциация палеоазиатского нартенного транспорта и мобильного жилища в эволюционном и модернизационном аспектах // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 182–192.
- Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. П-22. Оп. 1. Д. 180. Л. 47; Д. 188. Л. 80–49.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18. Л. 9.
- Данилов Г.К. Морфология наземных жилищ западной Чукотки: от мезолита к современности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3, № 4 (12). С. 132–141.
- Загорюлько А.В. Трансформация жилищ азиатских эскимосов в XIX–XX вв. // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 58–63.
- Зуев А.С. Русские на крайнем северо-востоке Сибири в XVII – начале XX века: динамика, направления и результаты этнокультурной адаптации в иноэтничной среде // Сибирь и Русский Север. Новосибирск, 2014. С. 55–87.
- Канчалан, коллективное обращение, «В холоде и голоде...» // Крайний Север. 1999. № 40. 01 октября. Ст. 2.
- Карасева А.И. Разомкнутая модернность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 122–146.
- Керимова М.М. О создании журнала «Этнографическое обозрение» (1889–1916) (по архивным материалам В.В. Богданова) // Антропологический форум. 2011. № 15-online. С. 397–412.
- Коновалов В. Чукотка: в поисках смысла, III часть // Чукотка – прекрасный и... суровый край. 2002. 21 октября. URL: <https://www.chukotken.ru/articles/item66.html>
- Крупник И., Михайлова Е.А. Пейзажи, лица и истории: эскимосские фотографии Александра Форштейна (1927–1929 гг.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 188–219.
- Крушанов А.И. История и культура чукчей. Л.: Наука, 1987.
- Лемьтская Д.Е. Вопросы выявления и сохранения национальной идентичности в архитектуре Сибири (на примере Республики Хакасия) // Урбанистика. 2018. № 4. С. 1–8.
- Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958–1970 гг.). Новосибирск: Наука, 1973.
- Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.
- Ляльская Е.В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. Сочинения. Т. 13. М., 1959.
- Носков А. Анадырь – столица Чукотки. Памятная книга трудовой славы столицы Чукотского автономного округа. К 130-летию со дня основания города. 2013. Публичная библиотека им. Тана-Богораза.
- Опарин Д.А. Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2015.
- Переалова Е.В., Куканов Д.А. Мобильное жилище чукчей-оленьеводов: традиции и новации // Уральский исторический вестник. 2018. № 3. С. 40–49.
- Полевые материалы автора (ПМА). Анадырь, Эгвекинот, Амгуэма, Уэлькаль, Новое Чаплино, июль-сентябрь 2024.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 420. Оп. 1. Транспорт: Государственный трест по строительству и монтажу предприятий «Арктикстрой» Минморфлота СССР. 1946–[1991]. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/6075>

- Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.
- Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Стась И. Северный морской путь и коренное население Севера в раннесоветскую эпоху // Северные морские пути России / ред. В. Васильева, К. Гаврилова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 301–354.
- Фавстрицкая О.С. Российский опыт пространственной трансформации региональных экономических систем: урбанизация Крайнего Северо-Востока России // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2022. № 3. С. 120–126.
- Филип А.В., Глазков К.П. Институт аварийности на примере жилищного фонда Перми: неформальные правила и ожидания акторов // Городские исследования и практики. 2024. Т. 9, № 4. С. 63–81.
- Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. Антропологические очерки. М.: Наталис, 2010.
- Хаховская Л.Н. Коллективизация оленеводческих хозяйств Чукотки в 1940-х гг. // География, география, биологическое разнообразие и ресурсы Северо-Востока России. Магадан, 2016. С. 358–361.
- Хаховская Л.Н. Морские зверобои Чукотки в период первоначальных советских реформ // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 168–182.
- Хаховская Л.Н. Советская модернизация и гендерные сдвиги в чукотском обществе в середине XX века // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2019. № 4. С. 118–125.
- Хаховская Л.Н. Чаунская культурная база: советский проект и его реализация // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 300–313.
- Шокарев С.Ю. Норвежец Бенд Волл о торговле на Чукотке в начале XX века // Культурологический журнал. 2022. № 4 (50). С. 17–26.
- Шокарев С.Ю. Фотоальбом А.А. Кампана – источник по истории береговой Чукотки начала 1930-х годов // Кунсткамера. 2024. № 3 (25). С. 102–120.
- Ярзуткина А.А. Формы и характер торговли американских предпринимателей с коренными жителями Чукотки в конце XIX – начале XX века // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 8 (9). С. 34–49.
- Hannigan J. National Villages In Chukotka: Marginalized and Forgotten, or New Prospects for Economic Well-Being? // Management, Technology and Human Resources Policy in the Arctic (The North). Dordrecht: Springer Netherlands, 1995. P. 405–412.
- Hill F., Gaddy C. The Siberian curse: does Russia's geography doom its chances for market reform? // Brookings Review. 2003. Vol. 21, № 4. P. 23–28.
- Holzlehner T. Engineering socialism: a history of village relocations in Chukotka, Russia // Engineering Earth: the impacts of megaengineering projects. Dordrecht: Springer Netherlands, 2010. P. 1957–1973.
- Humphrey C. The Collective Farms after Socialism // Humphrey C. Marx Went Away But Karl Stayed Behind. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 444–481.
- Redrawing anthropology: Materials, movements, lines / ed. by T. Ingold. Ashgate Publishing, Ltd., 2011.
- Krupnik I., Chlenov M. Yupik transitions: Change and survival at Bering Strait, 1900–1960. University of Alaska Press, 2013.
- Krupnik I., Vakhtin N. In the 'house of dismay': Knowledge, culture, and post-Soviet politics in Chukotka, 1995–96 // People and the land: Pathways to reform in post-Soviet Siberia. Berlin, 2002. P. 7–43.
- Larkin B. The politics and poetics of infrastructure // Annual review of anthropology. 2013. Vol. 42, № 1. P. 327–343.

- Lähteenmäki M., Murawski M. Blagoustroistvo: infrastructure, determinism, (re-) coloniality, and social engineering in Moscow, 1917–2022 // *Comparative Studies in Society and History*. 2023. Vol. 65, № 3. P. 587–615.
- Ramseur D. Melting the ice curtain: The extraordinary story of citizen diplomacy on the Russia-Alaska frontier. University of Alaska Press, 2017.
- Rethmann P. A dream of democracy in the Russian Far East // In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects, and Globalization. 2004. P. 256–278.
- Architectural anthropology: exploring lived space / eds. by M. Stender, C. Bech-Danielson, A.L. Hagen. Routledge, 2021.
- Thompson N. Settlers on the edge: identity and modernization on Russia's Arctic frontier. UBC Press, 2009.
- Smith D. (2006, December 24). Inside the hidden world of roman's empire // The Observer. Retrieved January 20. 2025. URL: <https://www.theguardian.com/world/2006/dec/24/sport.football>
- Yaneva A. The Method of architectural anthropology // *Architectural Anthropology. Exploring Lived Space*. Londres y Nueva York: Routledge, 2021. P. 13–29.

References

- (1889) Album of the Clipper Ship Razboinik. Anadyr Russian Federation Chukotka Autonomous Okrug, 1889. [Alexander von Bunge] Retrieved from the Library of Congress, <https://www.loc.gov/item/2018693719/>.
- Basov E. Krasnoe. K serdu Chukotki – 2013 [Elektronnyy resurs] Available at: <https://basov-chukotka.livejournal.com/32074.html>
- Batyanova E.P., Yuraev V.A. (eds.) (2010) *Narody severo-vostoka Sibiri* [Peoples of the Northeast of Siberia]. Moscow: Nauka, 2010.
- Bogdanova E. (2013) Antropologiya derevenskoy dvukhetazhki: ot issledovaniya zhilya k issledovaniyu soobshchestva [Anthropology of the Village Two-Story House: From the Study of Housing to the Study of Community]. In: *Vdali ot gorodov. Povsednevnyaya zhizn' postsovetskoy derevni* [Far from Cities: Everyday Life in the Post-Soviet Village], edited by E. Bogdanova and O. Brednikova. Aletheia, St. Petersburg, pp. 105–126.
- Bogoraz-Tan V.G. *Chukchee* (1934) Institute narodov severa [The north nations institute], Leningrad, p. 91.
- Danilov G.K. (2021) Morfologiya nazemnykh zhilyshch zapadnoy Chukotki: ot mezolita k sovremennosti [The Morphology of Terrestrial Dwellings in Western Chukotka: From the Mesolithic to the Present]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences], vol. 3, no. 4 (12), pp. 132–141.
- Favstritskaia O.S. (2022) Rossiiskii opyt prostranstvennoi transformatsii regional'nykh ekonomicheskikh sistem: urbanizatsiia Krainego Severo-Vostoka Rossii [Russian Experience Of Spatial Transformation Of Regional Economic Systems: Urbanization Of The Far North-East Of Russia], *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, 3, pp. 120–126.
- Filip A.V., Glazkov K.P. (2024) Institut avariinosti na primere zhilishchnogo fonda Permi: neformal'nye pravila i ozhidaniia aktorov [Assigning “Emergency Status” to Perm Housing Stock: Informal Rules and the Expectations of Actor], *Urban Studies and Practices*, Vol. 9, no. 4, pp. 63–81.
- GAMO, Fund P-355, List 4, File 18, p. 9
- Hannigan J. (1995) National Villages In Chukotka: Marginalized and Forgotten, or New Prospects for Economic Well-Being? In: *Management, Technology and Human Resources Policy in the Arctic (The North)*. Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 405–412.
- Hill F., Gaddy C. (2003) The Siberian curse: does Russia's geography doom its chances for market reform? *Brookings Review*, Vol. 21, no. 4, pp. 23–28.

- Holzlehner T. (2010) *Engineering socialism: a history of village relocations in Chukotka, Russia // Engineering Earth: the impacts of megaengineering projects*. Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 1957–1973.
- Humphrey C. (1998) The Collective Farms after Socialism. In: Humphrey C. *Marx Went Away But Karl Stayed Behind*. Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 444–481.
- Humphrey C. (2010) *Postsovetskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii. Antropologicheskie ocherki* [Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches]. Moscow: Natalis.
- Ingold T. (ed.) (2011) *Redrawing anthropology: Materials, movements, lines*. Ashgate Publishing, Ltd.
- Kanchalan, kollektivnoe obrashchenie, "V holode i golode..." [Kanchalan, collective appeal, "In cold and hunger..."], *Krajnij Sever*, 1999. no. 40. 01.10. article 2/
- Karaseva A.I. (2018) Razomknutaya modernost': kommunal'naya avariya v sensorom landshafte severnogo poselka gorodskogo tipa [Disrupted Modernity: A Utility Accident in the Sensory Landscape of a Northern Urban-Type Settlement]. *Antropologicheskii forum*, 38, pp. 122–146.
- Kerimova M.M. (2011) O sozdanii zhurnala "Etnograficheskoe obozrenie" (1889–1916) (po arkhivnym materialam V.V. Bogdanova) [On the Creation of the Journal "Ethnographic Review" (1889–1916) (Based on Archival Materials of V.V. Bogdanov)]. *Antropologicheskii forum*, 15-online, pp. 397–412.
- Khakhovskaia L.N. (2016) Kollektivizatsiia olenevodcheskikh khoziaistv Chukotki v 1940-kh gg. [Collectivization of reindeer herding farms in Chukotka in the 1940s.]. In: *Geologiya, geografiia, biologicheskoe raznoobrazie i resursy Severo-Vostoka Rossii* [Geology, Geography, Biodiversity and Resources of the North-East of Russia]. Magadan, pp. 358–361.
- Khakhovskaia L.N. (2018) Chaunskaya kul'turnaia baza: sovetskii proekt i ego realizatsiia [Chaun Cultural Base: The Soviet Project And Its Implementation], *Dialog so vremenem*, 63, pp. 300–313.
- Khakhovskaia L.N. (2019) Sovetskaia modernizatsiia i gendernye sdvigi v chukotskom obshchestve v seredine XX veka [Soviet Modernization And Gender Shifts In The Chukchi Community In The Middle Of The Twentieth Century], *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, 4, pp. 118–125.
- Khakhovskaya L.N. (2012) Morskie zverboi Chukotki v period pervonachal'nykh sovetskikh reform [Maritime Hunters of Chukotka During the Initial Soviet Reforms]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6, pp. 168–182.
- Konovalov V. (2002) Chukotka: v poiskakh smysla, III chast' [Chukotka: In Search of Meaning, Part III], *Chukotka – prekrasnyi i... surovyy kraj*. 21 October. Available at: <https://www.chukotken.ru/articles/item66.html>
- Krupnik I., Chlenov M. (2013) *Yupik transitions: Change and survival at Bering Strait, 1900–1960*. University of Alaska Press.
- Krupnik I., Mikhailova E.A. (2006) Peizazhi, litsa i istorii: eskimosskie fotografii Aleksandra Forshteina (1927–1929 gg.) [Landscapes, Faces and Stories: Eskimo Photographs by Alexander Forshtein (1927–1929)], *Antropologicheskii forum*, 4, pp. 188–219.
- Krupnik I., Vakhtin N. (2002) In the 'house of dismay': Knowledge, culture, and post-Soviet politics in Chukotka, 1995–96. In: *People and the land: Pathways to reform in post-Soviet Siberia*. Berlin, pp. 7–43.
- Krushanov A.I. (1987) Khozyaystvo i kultura chukchey [The Economy and Culture of the Chukchi]. Leningrad: Nauka.
- Lähteenmäki M., Murawski M. (2023) Blagoustroistvo: infrastructure, determinism, (re-) coloniality, and social engineering in Moscow, 1917–2022, *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 65, no. 3, pp. 587–615.
- Larkin B. (2013) The politics and poetics of infrastructure, *Annual review of anthropology*, Vol. 42, no. 1, pp. 327–343.

- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow.
- Lemytskaya D.E. (2018) Voprosy vyavleniya i sokhraneniya natsional'noy identichnosti v arkhitekture Sibiri (na primere Respubliki Khakasiya) [Issues of Identifying and Preserving National Identity in Siberian Architecture (Using the Example of the Republic of Khakassia)]. *Urbanistika*, 4, pp. 1–8.
- Leontyev V.V. (1973) *Khozyaystvo i kultura narodov Chukotki (1958–1970 gg.)* [The Economy and Culture of the Peoples of Chukotka (1958–1970)]. Novosibirsk: Nauka.
- Liarskaia E.V. (2003) *Severnye internaty i transformatsiia traditsionnoi kul'tury (na primere nentsev Iamala)*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Northern boarding schools and transformation of traditional culture (on the example of the Nenets of Yamal). Abstract of the dissertation of candidate of historical sciences]. St. Petersburg.
- Marx K., Engels F. (1959) K kritike politicheskoi ekonomii [A Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniia*. Vol. 13. Moscow.
- Noskov A. (2013) Anadyr' – stolica Chukotki. Pamyatnaya kniga trudovoj slavy stolicy Chukotskogo avtonomnogo okruga. K 130-letiyu so dnya osnovaniya goroda. 2013. Publichnaya biblioteka im. Tana-Bogoraza
- Oparin D.A. (2015) *Variativnost' sovremennogo ritual'nogo prostranstva Novogo Chaplino i Sirenikov, Chukotka* [Variability of Contemporary Ritual Space in Novo-Chaplino and Sireniki, Chukotka]. PhD dissertation in History, Moscow State University.
- Perevalova E.V., Kukanov D.A. (2018) Mobil'noe zhilye chukchey-olenevodov: traditsii i novatsii [Mobile Housing of Reindeer-Herding Chukchi: Traditions and Innovations]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 3, pp. 40–49.
- Polevyte materialy avtora (PMA). Anadyr', Egvekinot, Amguema, Uel'kal', Novoe Chaplino, iyul'-sentyabr' 2024. [Author's field materials July-September 2024]
- Ramseur D. (2017) *Melting the ice curtain: The extraordinary story of citizen diplomacy on the Russia-Alaska frontier*. University of Alaska Press.
- Rethmann P. (2004) A dream of democracy in the Russian Far East. In: *In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects, and Globalization*. pp. 256–278.
- Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 420, Transport: Gosudarstvennyy trest po stroitel'stvu i montazhu predpriyatij "Artikstroj" Minmorflota SSSR. 1946-[1991] Available at: <http://guides.rusarchives.ru/node/6075>
- Scott D. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva: pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: Why and How Improvement Schemes Have Failed]. Moscow.
- Shokarev S.Iu. (2022) Norvezhets Bend Voll o torgovle na Chukotke v nachale XX veka [Norwegian Bend Voll About Trade In Chukotka At The Beginning Of The 20th Century], *Kul'turologicheskii zhurnal*, 4 (50), pp. 17–26.
- Shokarev S.Iu. (2024) Fotoal'bom A.A. Kampana — istochnik po istorii beregovoi Chukotki nachala 1930-kh godov [A. A. Kampan's Photo Album As A Source On The History Of Coastal Chukotka In The Early 1930s], *Kunstkamera*, 3 (25), pp. 102–120.
- Smith D. (2006, December 24). Inside the hidden world of roman's empire. *The Observer*. Retrieved January 20, 2025, from <https://www.theguardian.com/world/2006/dec/24/sport.football>
- Slezkin Y. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Stas' I. (2023) Severnyi morskoi put' i korennoe naselenie Severa v rannesovetskuiu epokhu [The Northern Sea Route and the Indigenous Population of the North in the Early Soviet Era]. In: *Severnye morskoe puti Rossii* [Northern Sea Routes of Russia] / Vasil'eva V., Gavrilova K. (eds.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 301–354.
- State Archives of Magadan Region (GAMO), Fund P-22, List 1, File 180, p. 47; File. 188, pp. 80–49.
- Stender M., Bech-Danielson C., Hagen A.L. (ed.) (2021) *Architectural anthropology: exploring lived space*. Routledge.

- Thompson N. (2009) *Settlers on the edge: identity and modernization on Russia's Arctic frontier*. UBC Press.
- Vakhtin N.B. (1993) *Korennoe naselenie Kraynego Severa Rossiyskoy Federatsii* [Indigenous Population of the Far North of the Russian Federation]. St. Petersburg.
- Vakhtin N.B. (2023) Sotsial'no-ekonomicheskaya neopredelennost' 1990-kh godov na Chukotke kak problema i kak resurs [The Socio-Economic Uncertainty of the 1990s in Chukotka as a Problem and a Resource]. *Neprikosnovennyi Zapas*, 151, pp. 59–91.
- Varnavskiy P. (2003) Granitsy sovetskoy buryatskoy natsii: "Natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo" v Buryatii v 1926–1929 gg. v proektakh natsional'noy intelligenstsiy i natsional-bolshevikov [The Borders of the Soviet Buryat Nation: "National-Cultural Construction" in Buryatia in 1926–1929 in the Projects of the National Intelligentsia and National Bolsheviks]. *Ab Imperio*, 1, pp. 149–176.
- Vdovin I.S. (1963) Nekotorye dannye o sovremennom khozyaystve i kulture chukchey [Some Data on the Contemporary Economy and Culture of the Chukchi]. *Sovetskaya Etnografiya*, 1, pp. 39–48.
- Vdovin I.S. Domik chuvanca, s. Ust'-Belaya, 1957 g. Foto Vdovina I.S. *Scientific archive of MAE RAS*. Fund 36. List 1. File 17.
- Vorobey I.E., Khakhovskaya L.N. (2022) Konstruktivnaya assotsiatsiya paleoaziatskogo nartennogo transporta i mobil'nogo zhilya v evolyutsionnom i modernizatsionnom aspektakh [The Constructive Association of Paleo-Asiatic Sledge Transport and Mobile Housing in Evolutionary and Modernization Aspects]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 1 (56), pp. 182–192.
- Yaneva A. (2021) The Method of architectural anthropology. In: *Architectural anthropology. Exploring lived space*. Routledge. pp. 13–29.
- Yarzutkina A.A. (2011) Formy i kharakter torgovli amerikanskikh predprinimateley s korennymi zhilyami Chukotki v kontse XIX – nachale XX veka [Forms and Nature of Trade Between American Entrepreneurs and Indigenous People of Chukotka in the Late 19th – Early 20th Century]. *Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy*, 8 (9), pp. 34–49.
- Zagorulko A.V. (2005) Transformatsiya zhilyshch aziatskikh eskimosov v XIX–XX vv. [Transformation of Asian Eskimo Dwellings in the 19th–20th Centuries]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, 2, pp. 58–63.
- Zuev A.S. (2014) Russkie na kraynem severo-vostoke Sibiri v XVII–nachale XX veka: dinamika, napravleniya i rezul'taty etnokul'turnoy adaptatsii v inoyetnichnoy srede [Russians in the Far Northeast of Siberia in the 17th–Early 20th Century: Dynamics, Directions, and Results of Ethnocultural Adaptation in an Alien Ethnic Environment]. In: *Sibir' i Russkiy Sever* [Siberia and the Russian North], Novosibirsk, pp. 55–87.

Сведения об авторе:

МАЛЫШЕВ Гавриил Николаевич – магистрант факультета антропологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: g.malyshev@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gavriil N. Malyshev, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: g.malyshev@eu.spb.ru

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2025;
принята к публикации 1 марта 2025.

The article was submitted 08.02.2025;
accepted for publication 01.03.2025.